

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ

Екатерина Сергеевна ПРОСКУРИНА

*преподаватель кафедры гуманитарных и фундаментальных юридических дисциплин
Харьковского экономико-правового университета, Украина, г. Харьков*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования мужских и женских жизненных стратегий. Отдельное внимание уделяется динамике женской идентичности в историческом контексте. Также рассмотрен механизм присущего женщине внутреннего конфликта реализаций: профессионализма и материнства, заботы о себе и заботы о других.

Обосновывается тезис о том, что глобальные процессы трансформации гендерных ролей в современном обществе приводят к установлению специфических образов жизненных стратегий для женщин, оставляя неизменными традиционные модели для мужчин.

Ключевые слова: гендер, гендерные роли, гендерные стереотипы, жизненная стратегия, индивидуация, субъективация, идентичность, реализация.

Понимание того, что формирование и реализация индивидуальных жизненных стратегий гендерно маркирована, является прозрачной идеей для современной философской мысли. «Человеческие сообщества, начиная с самых отдаленных от нас времен, организуются по единому принципу: по принципу общественного разделения ролей, предназначенных для мужчины и для женщины. Если содержание при таком распределении функций меняется от одного общества к другому, то сам принцип деления по половому признаку остается неизменным: положение и занятия одного пола неизменно отличаются от положения и занятий другого. К этому принципу дифференциации добавился еще один, но столь же универсальный: принцип доминирования в общественной жизни мужского пола над женским» [4, с. 336].

Традиционное общество жёстко регламентировало жизненные возможности представителей обоих полов. Влияние семьи, ближайшего окружения или установленных правил в данном конкретном социуме являлись фатальными для конституирования индивидом собственной жизни, принуждая следовать заданным извне профессиональным предпочтениям. Также брак осуществлялся скорее как деловая сделка между представителями двух родов, нежели свободным волеизъявлением любящих друг друга индивидов.

Начиная с Нового времени, за мужским и за женским полом закреплялся чёткий регламент возможностей, большей частью весьма скудный. Особенно жёсткая регламентация касалась женского варианта жизненных стратегий. Широко известна аллитерация, определяющая социальное место женщины в немецком традиционалистском обществе тремя «К»: Kinder, Küche, Kirche («киндер, кюхе, кирхе» – дети, кухня, церковь).

Стремление общества ограничить женский тип жизненных стратегий был связан с чётким распределением гендерных ролей как в семье, так и в культуре. В определённой степени отсутствие выбора частично снимало напряжение, возникающее у современного индивида в моменты построения и реализации линии жизни. Особенно важно, что оно снимало напряжение с мужской части населения, позволяя осуществлять доминирование над женщиной в социальной и семейной жизни.

Традиционно перспектива жизненного пути рассматривалась отдельно для женского и мужского населения. За мужчиной был закреплён образ работника-кормильца или свободного авантюриста. Мужчина мог выбрать жизненные стратегии, включающие его присутствие в семье как мужа и как отца. Также социально приемлемой формой реализации выступала судьба «искателя приключений», или холостого (например, моряки), или дистанцированного от своей семьи (казаки). Тем более, зачастую внешние обстоятельства вынуждали мужчину покидать семью (к примеру, служба в армии).

«Повсюду общественно значимой деятельностью является именно та, которой посвящают себя мужчины; повсюду мифы и трактаты не забывают упомянуть о низменной природе женщин; повсюду мужскому полу приписывают положительные качества, а женскому – отрицательные; повсюду имеет место верховенство мужчин. Заключение брачных союзов, почетный труд, благородные занятия войной и политикой – все это в руках мужчин. Если женщины и участвуют в культурных событиях, то чаще всего на ролях второго плана. И только одна их функция избегает систематического обесценивания: материнство» [4, с. 336–337].

Социальная задача женщины рассматривалась

в функциях матери и супруги. Исключения бывали крайне редки и носили или ненормативный характер (маргинальное существование «старой девы» или проститутки), или принимались обществом как необходимая уступка жизненным реалиям (вдовы или монахини, или работа в качестве прислуги юной незамужней девушки).

Институт семьи и брака, а также восприятие пола в последние десятилетия претерпели серьёзные изменения. Появление работающей женщины, имеющей личные финансы, изменило основы семейной и социальной жизни. «Отказ от идентичности, основанной исключительно на функциях матери и супруги, вот что характеризует положение женщины в условиях постмодерна» [4, с. 318].

В современной культуре происходит трансформация гендерного самочувствия и мужчин, и женщин, что, естественно, влечёт перекодировку жизненных задач для представителей обоих полов, имеющих обязательный нормативный или рекомендательный характер.

Сами философские интерпретации гендера и пола, а также связанные с ними особенности понимания места мужчины и женщины в культуре, берут своё начало в общетеоретических поисках по данным темам. Концепция гендера, появившись как идеологическая основа неоминистского движения 60-70-х годов, использует понятие «гендер» в трёх основных значениях. Во-первых, как социально-ролевая и культурная интерпретация черт личности и моделей поведения мужчины и женщины. Во-вторых, как приобретение социальности индивидами, рождёнными в биологических категориях мужского и женского полов. В-третьих, как эгалитарная политика прав и возможностей мужчин и женщин и деятельность по созданию механизмов её реализации [5]. Для нашей работы в основном будет использовано первое и второе понимание гендера.

С философским осмыслением гендера тесно связана современная интерпретация субъекта и субъективности. Абстрактный субъект классической философии с его приоритетом рациональности был переосмыслен через введение гендерных параметров в психическую структуру идентичности. В психоаналитическом дискурсе субъективность женская и мужская создаётся на пересечении гендерных отношений, т.е. не среди абстракций, а в семейном окружении, при взаимодействии реальных носителей гендерных ролей. С этого момента субъект теряет маскулинную тождественность сознанию и ассоциируется с аффективностью, приобретающая статус «желающего».

Бессознательные гендерные стереотипы «мужского» и «женского», содержащиеся в культурном поле, конституируют гендерно-маркированную субъективность, которая, в конечном счете, сводится к ригидной модели гендерной идентичности. Субъект понимается через либидинальную экономию, которая ставит сексуальность агентом формирования субъективности.

Впервые об уставе женского на теоретическом уровне начинает рассуждать Симона де Бовуар: понимание его как второго и зависимого, Другого. Дальнейшее развитие идей происходит в теориях Люси Иригаре, Розы Брайдоти, Юли Кристевой, Элен Сикс, Катрин Клеман, базирующихся на концепциях желания Лакана и Делеза. Также появляются теории Джудит Батлер, Терезы де Лауретис, Джоан Скотт, основанные на идеях Фуко: женская субъективность понимается как телесная нормализация стратегий власти.

Эти концепции строятся согласно критерию сексуального различия, что делает возможным концептуализацию женской субъективности. В отличие от постмодернистских воззрений на субъекта, которые, безусловно, влияют на феминистическую теорию, последняя не использует идею «смерть субъекта», а возвращает его в философию. Суть гендерной теории субъекта состоит в том, что она строит новую философскую конструкцию субъективности (гендерная в отличие от классической неполовой). Реинтерпретируя философскую традицию по новому критерию – критерию гендера (сексуального различия) и направленная на изменение социального гендерного устройства. Новая волна феминизма отказывается от понимания сущности субъективности, рассматривает ее как процесс, формирует идею квир-идентичности. Через понятия квир-идентичности описана новая структура гендерной субъективности (маргинальная субъективность), которая выходит за рамки концепции традиционной гендерной дихотомии мужского и женского в культуре [3].

Основной отличительной чертой мужского и женского типа жизненного пути была, есть и остаётся ориентация женщин на преимущественно семейный тип самореализации, а у мужчин – на профессиональный. С этим связаны особенности мироощущения женщины и мужчины. «Эдипова фаза развития личности создает идеологию и психологию мужского господства, подавления и отрицания зависимости от других людей, что выталкивает мужчину из мира семьи в проникнутый духом конкуренции мир работы» [6, с.141].

Женщины «остаются открытыми для общения, сохраняют свою внутреннюю аффективную жизнь», их направленность на материнство обеспечивает создание и сохранение богатого внутреннего мира [6, с.150]. Мужчина и женщина необходимо в процессе субъективации приобретают качества, позволяющие эффективно выполнять ту деятельность, на которую их ориентируют окружающие.

Ситуация субъективации для мальчиков и для девочек различна. До 3 лет, а иногда и дольше, когда идут наиболее значимые процессы субъективации, с детьми обоих полов подавляющее количество времени проводит мать. Но сына мать всегда воспринимает как Другого, а дочь – как продолжение себя. Для мальчика отделение от матери необходимо для обретения мужественности. Для девочек процессы индивидуации в плане приобретения женственно-

сти неважны, поэтому «...характерной особенностью жизни мужчины являются сложности в отношениях с другими людьми, а жизни женщины — проблемы индивидуации» [2, с. 170]. «Отсюда следует способность женщины к эмпатии и то отсутствие чувства реальности, которое необходимо тому, кто ухаживает за ребенком. У мужчины эти качества сведены до минимума, во-первых, потому, что с самого раннего детства мать относится к нему как к противоположности, и, во-вторых, потому, что он должен подавлять свою привязанность к ней» [6, с.150]. «...мужчина не определяет себя в терминах отношений и подавляет свои способности к установлению отношений и свою потребность в них. Тем самым мужчина готовится к жизни в мире отчужденной работы, отрицающей эмоции, а не к тому, чтобы идти навстречу потребностям женщины в близких первичных отношениях» [6, с.161].

Субъективация мальчика и девочки протекает неодинаково в силу особенностей прохождения фаз психосексуального развития. В итоге субъективность в зависимости от пола имеет различные характеристики. Женщины ориентированы на установление более близких отношений, ведущая форма деятельности для них – коммуникативная. Женщины более открыты, легче идут на контакт, в общении более искренние и мягкие. Мужчины ориентированы на производственные формы деятельности, в большинстве более сдержанные. Если женщины в своём воспроизводстве материнской заботы расположены на включение в свой мир интересов другого человека, то мужчины более нарциссичны, ориентированы в основном на удовлетворение собственных интересов.

Естественно, описывается некая усреднённая норма, при ближайшем рассмотрении каждого конкретного случая возникают различные вопросы определённого характера. Но как тенденция, данное положение дел сохраняется. Таким образом, особенностями мироощущения представителей обоих полов могут быть обозначены: сдержанный мужчина, который направлен из семьи вовне, на деятельность, на производство, творчество. И эмпатичная женщина, основная ориентация которой – это другие люди, при этом лучше младенцы, для которых отсутствуют вопросы автономии, поскольку именно с индивидуацией у прекрасной половины человечества возникают проблемы. Поэтому естественным является традиционное гендерное распределение ролей в семье и в культуре.

Однако, современная ситуация предлагает иные реалии гендерной вариативности социальной реализации. Заявление женщин о своих правах, начиная с середины XX века, является, по сути, положительным социальным явлением, способствующим обретению свободы и независимости женщинами. Однако движение женщин за свои права пробудило такое явление социальной жизни как противостояние полов. Ситуация конкуренции, взаимных претензий характерная как на уровне межличностном, семейном, так и на уровне культуры, социума.

Женщины, претендуя на равноправие, занимают традиционные мужские места в структуре социальной реализации. Имея жизненной стратегией семейную и профессиональную реализацию, женщина зачастую жертвует какой-то из них. Невозможность совмещения двух путей реализации приводит к обвинениям по отношению к мужчинам, у которых возможность семейной реализации и профессионального роста всегда выше, поскольку женщина всегда больше мать, чем мужчина отец.

С другой стороны, одинокий мужчина (во всяком случае, до 40-45 лет) не подвержен социальному остракизму и не рассматривается как неудачник. Для женщины ситуация иная, что связано с рамками детородного возраста. Не выйти замуж до 45 лет и не родить ребёнка для женщины социально оценивается как неудавшаяся семейная жизнь.

Рубеж «необходимого» замужества в последние десятилетия постоянно отодвигается, в силу успешности медицинского родовспоможения, однако возраст 35 лет является критическим, пройдя который женщина необходимо начинает чувствовать недостаточность семьи в своей жизни и беспокоиться о возможном «провале» данной линии реализации. В связи с этим некоторые женщины к 40 годам сознательно идут на одинокое материнство, чтобы реализовать, если не программу партнёрских отношений, то, как минимум, материнство. Менее жёсткий регламент необходимости семейной реализации и её форм для мужчин, а также несопоставимо меньшие семейные нагрузки создают благоприятную среду для самореализации мужчины.

Профессиональное сравнение не в пользу женщины при наличии иногда более ярких талантов, отсутствие, как на уровне культуры, так и на уровне семьи, должного уважения по отношению к женской континуальной заботе. Всё это формирует у женщины беспокоящий комплекс родовых обид с проекцией во все сферы жизни. И борьба женщин за свои права и свободы не прекратится, несмотря на то, что выигравших в этой битве в принципе быть не может.

Проблема современной цивилизации состоит не в отсутствии равных прав мужчин и женщин на уровне социальном, а в отсутствие равных обязанностей мужчин и женщин в семье. Сохраняется традиционная большая занятость женщин в семье. Основой для данного архаичного распределения гендерных ролей является не только привычка наших современников, перенятая от предыдущих поколений, но закономерное следование, как мы рассмотрели выше, условий субъективации мужчин и женщин. Так же влияют объективные биологические условия существования человека, из которых следует, что именно женщина способна выносить ребёнка.

В последние десятилетия положение мужчин и женщин становится всё более осознанным, но и всё менее интимным. Возникает конфликт, когда для женщин есть новые возможности, но нет социальных гарантий этих возможностей. На деле про-

фессиональный рост далеко не всегда совместим с традиционной ролью женщины в семье.

На уровне персональном для каждой женщины этот конфликт усугублён противоречивыми требованиями внешними, культурными и внутренними, субъективными. На внешнем уровне для женщины создаются новые возможности, для которых нет социальных гарантий, но присутствуют нормативные рекомендации необходимой социальной реализации как профессионала. А на внутреннем – присутствует комплекс воспроизводства материнской заботы, появление которого обеспечено особенностями процесса субъективации девочки. Необходимость совмещения двух типов реализации делает жизнь женщины крайне напряжённой и грозящей несостоявшимися проектами. Говоря обыденным языком, женщине приходится жить «и за себя, и за того парня».

Ульрих Бек обращает наше внимание на то, что распределение гендерных ролей является не столько традиционным пережитком, сколько основой современного общества. Поскольку без распределения ролей нет семьи, а семья является предпосылкой работы по найму, что в свою очередь является основой современной экономики. Однако имеющееся распределение ролей противоречит принципам свободы и равенства модерна. Всё это приводит к глубочайшему конфликту как на социальном уровне взаимодействия полов, так и на персональном каждой конкретной женщины, который будет лишь усугубляться в будущем [1, с. 63].

Стратегия модерна индивидуалистична, но индивидуация вырывает человека из рамок семьи [1, с. 64]. Поскольку забота о своём Я зачастую не совпадает с возможностью заботы о других. В ситуации индивидуации гендерно маркированная субъективность не является первичной. Ей предшествуют общечеловеческие ориентиры и характеристики, понимание Я как Я.

Целостность переживания собственного пути предполагает гендерные маркировки, но ассимилирует их на уровне иных смыслов индивидуации. «Унисекс» начинает выступать характеристикой не только моделей одежды, но и образов субъективности современного индивида. Гендерные знаки лишь отчасти формируют иерархию субъективности, тем более не выступают основополагающим фактором организации социальной реализации. Они мозаично вплетены в субъективность на уровне иных знаков и смыслов.

Если для женщин существует более ранняя необходимость создания семьи (в силу ограниченности детородного возраста), то выбор профессии не определяется более принадлежностью к мужскому или женскому полу. На первый план выступают индивидуальные характеристики человека, его способности, пристрастия, таланты.

До сих пор существуют преобладающие «мужские» и «женские» профессии. К первым, например, относятся такие профессии как шахтёры или горные спасатели, или политики. Ко вторым – учителя

или воспитатели в детском саду. Однако, границы их проницаемы. При этом существует огромное количество сфер деятельности человека, где представители обоих полов реализуются на равных условиях.

Унифицированное присутствие индивидуации вне гендерных маркировок для представителей обоих полов приводит к возникновению специфической модели жизненной стратегии – «унисекс». Различия сняты, и гендерный знак не обладает более фатальностью в деле построения линии профессиональной судьбы.

Индивидуация, сочетающаяся с нарциссичностью современного индивида приводит к инфантильности. В рамках сосредоточенной на себе, инфантильной, слабой и несчастной личности необходимо возвращается идея преувеличенной ценности партнёрских отношений.

Во-первых, современный индивид ищет утешения в данном формате отношений, поскольку они дублируют диадные отношения «мать-дитя» – оплот безопасности и надежды.

Во-вторых, как пишет У. Бек, «истончившиеся социальные связи» [1, с. 64] приводят к необходимости компенсаторных близких и тёплых отношений. «Потребность в разделённой задушевности, заявленная идеалом брака и партнёрства, ... растёт вместе с утратами, которые приносит индивидуация. Индивидуация выводит из семьи, но туда же возвращает» [1, с. 65–66].

Современная женщина осуществляет грандиозный эксперимент по совмещению работы и семьи, который в большинстве своём грозит неудачей или профессиональному росту, или состоявшейся семье. Более того, он ставит под угрозу существование самой семьи, поскольку для работающей жены, матери, имеющей личные средства к существованию, рано или поздно возникает вопрос целесообразности продолжения совместной жизни с мужем при отсутствии явных её преимуществ. Это касается ситуаций, когда утрачены близкие доверительные отношения или муж не работает, или зарабатывает значительно меньше.

С другой стороны, женская роль конфликтует с индивидуацией. Если мужской ролевой стереотип – это «работник-профессионал», и забота о других является необязательным деятельностным полем мужчин, то для женщины именно забота о других предполагается как закономерная область реализации. В этом плане отцовство и профессионализм не противоречат друг другу, поскольку реализуются по принципу индивидуации.

Для женщины семейная занятость (особенно появление второго и третьего ребёнка) является тормозом для профессионального роста. Современные работающие матери, чтобы не ущемлять профессиональную сферу, прибегают к услугам института «нянь и бабушек». Опять же, чтобы уменьшить семейные заботы, женщины расстаются с мужьями, освобождая, таким образом, время и силы для занятий профессией. При разводе, традиционно дети

остаются с матерью, и, как следствие, женщина будет страдать экономически, а мужчина ущемляться в отцовских правах.

Многие современные пары стараются как можно дольше избегать родительских обязанностей, или вообще отказываются от того, чтобы иметь детей. Таким образом, решая проблему семейных обязанностей, чтобы не ущемлять ничьи права на возможность профессионального и карьерного роста.

Ещё одной возможностью совмещения индивидуации и заботой о других является гедонистическое увлечение современного индивида благотворительностью [4]. Контрацепция и разрешённые аборты формируют материнство по желанию. Женская сексуальность освобождается от рока материнства [1], но женщины продолжают рожать детей. Материнство предстаёт для современной женщины не как необходимость или невозможность иного, а как достояние, увлечение или внутреннее решение.

Безусловно, материнство и отцовство несут в себе большой заряд позитивных переживаний для человека, обогащая его внутренний мир, расширяя границы Эго, обращая взгляд на иные внеповседневные аспекты существования. Однако присутствуют и другие смыслы родительства.

Партнёрские отношения, перерастающие со временем в супружеские, зачастую инфантильны по содержанию и являются при ближайшем рассмотрении банальным бегством от одиночества. Так же как и материнство, отцовство зачастую не имеет ничего общего с реальной заботой о других или действительным удовольствием от неё.

У. Бек видит три возможных сценария будущего развития взаимоотношений мужчин и женщин. Первый – возврат к традиционной семье, второй – уравнивание по мужскому образцу, и третий – опробирование новых жизненных форм за пределами мужских и женских ролей [1]. Однако, он не описывает, каковы эти возможные новые формы жизненных сценариев.

Жиль Липовецки в своей работе «Третья женщина» интерпретирует положение женщины в обществе, выделяя три основных типа: женщина недооценённая, вызывающая восторги и индетерминированная.

Первый тип восприятия женского места в социуме автор называет «недооценённая женщина» в связи с тем, что «от Аристофана и до Сенеки, от Плотина и до христианских проповедников преобладает традиция обличительных речей и сатир против женщины, выставляемой в них существом лживым и порочным, коварным и невежественным, завистливым и опасным. Женщина – это необходимое зло, втиснутое в рамки лишенных всякой привлекательности занятий; это низшее существо, систематически недооцениваемое или же презираемое мужчинами» [4, с. 339–340]. Подобное восприятие женщины «восходит к очень давним историческим временам, но он просуществовал в известных слоях нашего общества до начала XIX века» [4, с. 341].

Второй тип восприятия женщины, с точки зрения Липовецки, зарождается с периода зрелого Средневековья, и описывается автором как «женщина, вызывающая восторги». Обвинения и обличительные речи сменились хвалебным превозношением женщин. Появляется «культ Прекрасной Дамы». Отныне женщину превозносят «до небес, возвеличивают ее природу, образ и роль. Возлюбленная становится для мужчины его госпожой и повелительницей. «Прекрасный пол» объявляется более близким к божественной природе, нежели мужчины; мать прославляется в исполненных лиризма излияниях» [4, с. 341–342]. «После представления об отмеченном печатью проклятия могуществе женского пола сформировалась новая социальная модель «второй женщины» – женщины, вызывающей восторги и поклонение». [4, с. 344]. Первая и вторая модель восприятия женщин и их места в социальном пространстве связаны с мужским доминированием в культуре.

В настоящий момент появляется новая социальная модель поведения, которая определяет место и общественное предназначение женского пола. Новый образ женщины характеризуется независимостью от традиционного влияния, оказываемого мужчинами на представления о том, что такое женщина и каково ее значение в сфере социального.

«Первую женщину наделяли демоническими чертами и презирали; вторую женщину восхваляли, идеализировали и превозносили до небес. Однако в обоих этих случаях женщина пребывала в подчинении у мужчины, все мысли на ее счет складывались в его голове и женщину определяли по отношению к нему: она была такой, какой ее хотел видеть мужчина. Подобная система зависимости от мужчин отныне, где-то на самом глубоком уровне, перестала определять положение женщин в странах западной демократии. Обескровливание идеала женщины-домохозяйки, легитимация учебы женщин и их труда, а также их права на участие в выборах, на «безбрачие», на сексуальную свободу и на контроль над рождаемостью – таковы формы овладения женщинами полной свободой распоряжаться собой по собственному усмотрению во всех сферах жизни, таковы институты, которые, собственно, и создают социальную модель «третьей женщины» [4, с. 345–346].

Появление «третьей женщины» является, безусловно, грандиозным прорывом в истории женщин. Но, как следует из наших предыдущих рассуждений и, по мнению Ж. Липовецки: «появление самой этой модели – и это следует подчеркнуть отдельно – отнюдь не совпадает по времени с исчезновением неравенства между полами» [4, с. 347].

Таким образом, глобальные процессы трансформации гендерных ролей в современном обществе приводят к установлению специфических образов жизненных стратегий для женщин, оставляя незбылемыми традиционные модели для мужчин. Появление работающей женщины, борющейся за собственные права, обуславливает возникновение противостояния полов как основной характеристи-

ки социального взаимодействия мужчин и женщин. Возникший конфликт на уровне культуры проникает в каждую отдельную семью, влияя на отношения супругов, и усугубляется внутренним конфликтом для женщины. Социально предлагаемые новые возможности для самореализации женщин не обеспечиваются фактически. Формируемая на основе воспроизводства материнской заботы женская субъективность конфликтует с усваиваемыми внешними социальными рекомендациями построения жизненных стратегий. Следовательно, борьба за права женщин привела, возможно, к смещению мужчин с пьедестала господства, но, однозначно, усложнила жизнь женщин. Выигравшей стороной оказались только мужчины. С заявления УБека, «эмансипация нужна мужчинам (самостоятельные женщины сами решают свои проблемы), пока она не оборачивается против них» [1, с.62].

Анализируя гендерные аспекты формирования

жизненных стратегий, мы приходим к выводу, что в современном обществе происходит унификация жизненных проектов вне зависимости от признака пола. И для мужчин, и для женщин актуальным является социальная реализация в плане профессионального карьерного роста как создание материального успеха. Также присутствует необходимость самореализации индивида как супруга и как родителя. Причём, императив супружеской связи смещён на второй план императивом сексуального успеха. Однако фактически реализация женщин вне семьи не имеет социальных гарантий. И в случае совмещения двух типов самореализации (профессионального и семейного) для женщины необходимо страдает один из них. Женщины попадают в ловушку борьбы за собственные права: эмансипация приводит к усугублению положения. С ростом прав растут и обязанности, принуждающие женщины вести двойную семейно-институциональную жизнь. ■

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
2. Гиллиган К. Место женщины в жизненном цикле мужчины // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С.166–186.
3. Жерёбкина И. Субъективность и гендер: Гендерная теория субъекта в современной философской антропологии. – СПб.: Алетейя, 2007. – 312 с.
4. Липовецки Ж. Третья женщина. – СПб.: Алетейя, 2003. – 512 с. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/lipov/index.php
5. Основы теории гендера: Учебник. – К.: К.І.С., 2004. – 536 с.
6. Ходоров Н. Психодинамика семьи // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – с.140–165.